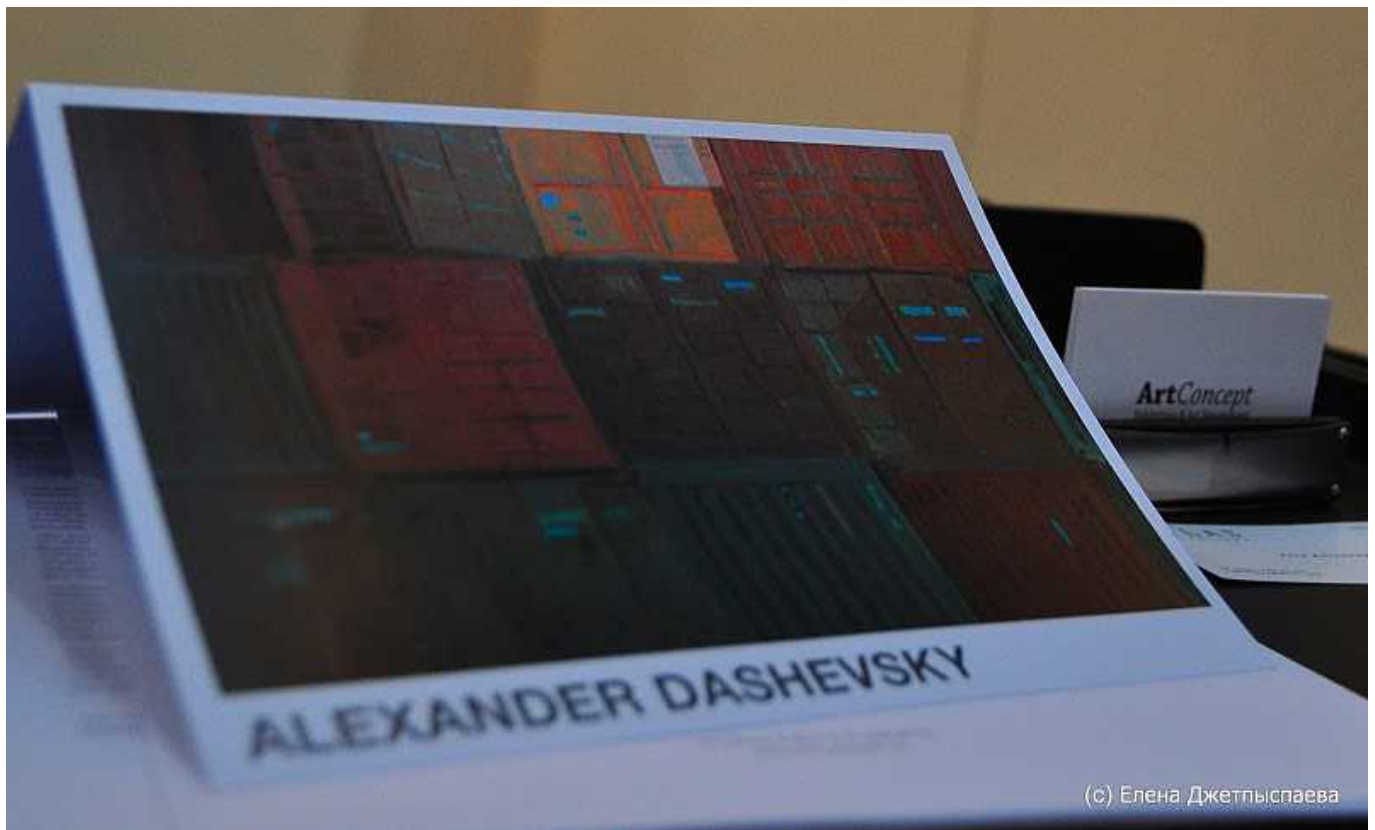

Александр Дашевский: «Моя ячейка - номер три» | Alexandre Dashevsky: "Ma cellule est numéro trois"

Auteur: Елена Джетпыспаева, [Цюрих](#) , 19.05.2010.

Каталог работ А. Дашевского на Арт Шоу в Цюрихе, 2010

В начале мая в Цюрихе проходило традиционное Art Show, о котором мы уже рассказывали. Наш корреспондент встретила с одним из его участников для более детального разговора.

|
Le traditionnel Art Show de Zurich a eu lieu début mai. Notre correspondant a rencontré un de ces participant pour une conversation serieuse.

Alexandre Dashevsky: "Ma cellule est numéro trois"

Майское АртШоу – международная художественная выставка-ярмарка, где боле 80

художников, скульпторов и фотографов из 20 стран мира представили свои работы. В рамках цюрихского проекта ArtConcept зрители увидели работы Санкт-петербургского художника Александра Дашевского. Его «персонажи» - ящики, контейнеры, дома.. Казалось бы, к чему нам весь этот «строительный мусор»? Однако только он по-настоящему заставил задуматься.

художник Александр Дашевский

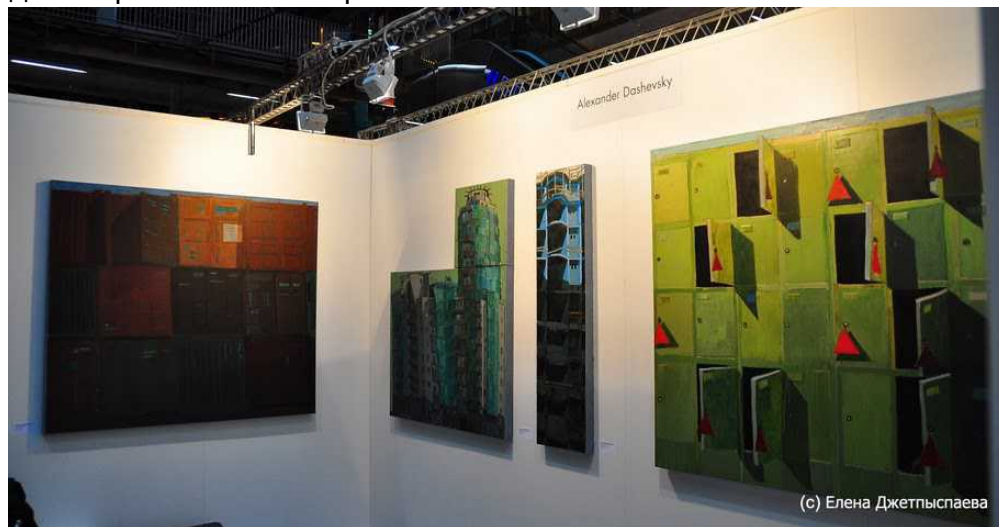
О выставке я узнала совершенно случайно. Написала организатору Марии Рачинской по электронной почте, и в течение нескольких часов мы договорились о встрече. Пасмурный дождливый день лучше наблюдать из-за стекла какого-нибудь уютного кафе в центре города, за чашкой кофе и непременно в хорошей компании. Говорить о культуре в дождь получается лучше всего. Улыбки на лицах Марии и Александра обещали, что получится не просто разговор, а скорее дружеская беседа тех, кому проект интересен. Забыв о времени, мы с Марией расспрашивали художника о жизни, работе, образах и задумках.

Родился Александр в 1980 году в Санкт-Петербурге. Там же окончил Университет кино и телевидения и Академию художеств им. Репина. Учился у Михаила Иванова. Член Международной федерации художников и товарищества «Свободная Культура». Занимался лайтбоксами, снимал видео, увлекался трафаретной печатью, но все-таки основным своим видом деятельности считает живопись. Впервые выставился в 6 лет, а уже в 19 решил выбрать именно это направление как главное. Его работы находятся в музеях России и частных коллекциях США, Великобритании, Италии, Швейцарии и Израиля.

На АртШоу в Цюрихе Александр привез работы из серий «Недвижимость» и «Ящики». Картины на первый взгляд прямолинейны, по-питерски хмуры и по-строительному строгие и, быть может, не совсем сочетаются с легким настроением выставки. Но они выхватывают тебя из толпы, приковывая взгляд, и просто не дают пройти мимо. Полуоткрытые дверцы ящиков и полураспад зданий - две больших и необычных серии работ художника, над которыми стоит задуматься, но представить которые не видя - просто невозможно.

Наша Газета.ch: Глядя на Ваши работы, так и не терпится узнать, КАК Вы все это писали? Где черпали идеи, образы?

Александр Дашевский: Лет 7-8 назад я бродил по ужасным окрестностям Петербурга и искал прекрасное там. На моем пути попадались полуразрушенные дома брежневского време

ни, населенные какими-то ужасающими персонажами, которые хотели со мной пообщаться. Процесс работы над картиной превращался в такое странное взаимодействие со средой. Я искал большие панельные дома. С одной стороны, я думал, что это такой срез времени: архитектура в камне пытается передать то, что было вокруг. Дома отражали представления о мире. Конец 80-х - начало 90-х годов было очень интересным для меня периодом: общество переживало травмы и трансформации, передавая образы через архитектуру.

Жители этих зданий, сами того не желая, стали и создателями этой архитектуры. Они обустраивали свои бетонные коробки на свой собственный лад. Если помните, тогда, в конце 90-х годов всякое законодательство утратило силу, налицо был конфликт каких-то таких пассионарных индивидуальностей, которые столкнулись лбами: одного ограничивал другой, похожий на первого, человек. Разнонаправленность вольт. Кто-то ломал лоджии, ставил первые стеклопакеты, обрисовывался. Тут же были деревянные ставни, кирпичная кладка. Здание целиком было каким-то модерном, строгим, величественным, как то ли выброшенный на берег корабль, то ли утес, то ли восточный ковер.

Я писал эти здания в манере, в которой художники обычно не практикуют. Становился перед домом, раскладывал свои принадлежности и начинал в прямом смысле слова взаимодействовать. Каждый раз происходило общение с жителями

этих домов, которые пр
меня по-разному: кто-то думал, что я землемер, который обмеряет участок, чтобы выставить его на продажу, кто-то меня жалел; кто-то пытался грубить, кто-то вызывал милицию. Каждые десять минут - новый контакт! Если бы я просто сидел под деревом и пил водку, это было бы всем понятно. А так совершенно неизвестно, чем занимается этот человек и что он хочет? Поведение странное, чужеродное, которое не воспринимается. Обитатели дома задавали мне вопросы: «Зачем ты рисуешь эту гадость? Это же просто помойка!» Вот только представьте себе, вы живете в доме 20 лет и страшно ненавидите его, считаете помойкой, при этом заявляя, что вы петербуржец и ассоциируете себя с Эрмитажем, Дворцовой площадью, Адмиралтейством, Васильевским островом. Но живете вы, получается, нигде. Вы не любите себя.

А зачем Вы писали эту... «помойку»?

Когда я работал над серией под названием «Недвижимость», у меня была, так сказать, терапевтическая задача: я хотел показать жителю панельного дома место его обитания, но не как «специальный, циничный, для него созданный ад», а как произведение архитектуры. Ведь пройдет 10-20 лет, и оно будет в учебниках и станет такой же частью Петербурга, как промышленная архитектура, модерн. Я хотел показать ему, что он живет красиво, он живет в Петербурге, и у него есть повод себя любить.

Трудную задачу Вы взялись решать. До сих пор работаете в таком ключе?

Этим проектом я занимался почти 6 лет. Сейчас мой «панельный»

период подошел к концу. Принцип работы тоже поменялся, я перестал выходить на пленэр, мне страшно надоело работать с милицией за спиной. Я «ушел» в студию. В качестве материала использую отражения витрин, фотографии, которые я делаю на ходу. Из 200 снимков отбираю несколько и - рисую. Листаю старые журналы. Изображения, которые рассказывают мне общую историю. Кадры из фильмов, вырезки, много информационного хлама, который источает свою творческую энергию. И я работаю с этим потоком.

Нет какой-то четкой методологии, а как только она появляется, это значит - ее надо сразу ломать. Я пишу несколько произведений на одну и ту же тему. Работа над ними меняет мое восприятие и, соответственно, меняет смысл того, что получается. Сейчас я стремлюсь к какому-то легкому и очищенному живописному стилю, который исключает скопление вещей, пытаюсь отточить искусство до движения самурайского меча. В этом смысле можно воспринимать последнюю работу как результат, а остальное как архив, но это не совсем то, что есть на самом деле. Каждая «промежуточная» работа - отдельное произведение.

А как происходит: сначала Вы видите работу, а потом пишете, или придумываете, а потом находите? Как рождается идея?

Это некий поэтапный процесс. Первый шаг - когда я нахожу что-то, что может служить мотивирующим объектом. Это может быть и архитектура, и видео. Главное, хочется ли мне дальше продолжать взаимодействовать? Потом начинается работа глаз: я сделал некое произведение и потом понимаю, как и где надо подправить, подкорректировать, и так далее. Это множество маленьких решений, из которых вырастает большое произведение.

Откуда возникла идея создавать картины в виде блоков? (Прим. автора - некоторые работы в серии «Недвижимость» представляют собой скрепленные полотна, на которых нарисованы части целого.)

Есть такое понятие «эмерджентность». Свойство целого, которым не обладает ни одна его часть. Этот прием я впервые использовал в серии «Недвижимость». Мне попался дом, который сам как бы внешне дробился на кусочки. Так я его и изобразил, на разных полотнах, скрепленных вместе в одно целое. Получился хороший эффект. Картина, состоящая из кусочков, всегда сама подвержена какому-то распаду. Она уже как бы треснувшая такая. Она не воспринимается как единый кусок, а как нечто, что может расползаться. Намек на то, что она может каким-то образом разваливаться, очень хорошо передает атмосферу борьбы разнонаправленных сил и характеров, которых я рисовал. Художественная сила хорошо передавалась через э

тот прием. Чудовищный свой «подвиг» в этом стиле я совершил для Музея Современного Искусства в Санкт-Петербурге. Там будет выставлена моя самая большая работа серии – полотно размером 3 на 14 метров.

Ваши картины из другой серии, «Контейнеры», очень отличаются друг от друга. Ящики открыты, закрыты, полуоткрыты... И почему вообще «Ящики»?

Какой-то глобальной идеи за этим нет. Понятно, что когда все они закрыты, ситуация какая-то такая совсем мрачная. Когда больше ящиков открыто, веселее, будто ветер гуляет (смеется). Никакого символизма здесь нет.

Расскажу смешную историю, которая у меня случилась. У меня был проект «Женщины и утварь». И там был такой натюрморт из пустых бутылок под названием «Выпито все». Вдруг на выставке ко мне подходит человек и говорит: «Я понял, что ты хотел сказать! Тут тары ровно на 6 литров 666 миллилитров!» Я пересчитал, действительно, именно столько, но это не то, что я хотел сказать!

С «Ящиками» вообще тянется длинная история с обозначением: ячейки, ящики. Как ни странно, большинство моих картин как раз из этой ситуации. Мне кажется, что в своей жизни человек постоянно упакован в какую-то социальную коробочку. И однажды я стал размышлять, что это за коробочки, и как, кто их создает. Все люди разные, но все в этом схожи. Даже если все внешние факторы уйдут, человек продолжит упаковывать себя. Он настолько уже привык жить в четырех стенах, от рождения и до конца жизни. Ячеистость – это такое человеческое свойство всему, в том числе и себе, присваивать свое место. Почтовые ящики, где каждому индивидууму отпущен свой абсолютно одинаковый для своего внешнего мира номер. В супермаркете, где мы раскладываем по ячейкам свои вещи. Роддом с инкубатором для детей, панельные дома-коробки, кладбище.

Раскрываете нам глаза на нашу жизнь?

Нет, это не констатация факта ячеистости как такового. Мне кажется, что когда художник пишет что-то, он как бы отстраняется, преодолевает неприятную реальность с помощью какой-то душевной или умственной деятельности. Это процесс. Думаю, что сколько бы не кричали «Поезжайте на Гоа!», человек от этого не поменяется, не остановится, не оглянется на свою жизнь. Мне, когда я работаю, думаю, понимаю и анализирую, процесс создания картины помогает выйти из этой ячейки, преодолеть ячеистость. Я как бы становлюсь самим собой и самим собой, смотрящим на все происходящее со стороны. Я переосмысливаю. Может быть, у кого-то еще это тоже получится с помощью моих картин.

Почему Вы стали тем, кем стали? Что дает Вам живопись?

В своей жизни я многое перепробовал. Занимался разными видами искусства. Думаю, я стал художником, потому что только это заставляет меня выкладываться по полной, отдавать. Нужно и думать, и делать, и продвигать сделанное, нужно предпринимать много разнонаправленных и разных по природе активностей, чтобы что-то получилось. Нужно проживать то, что делаешь. Этим и занимаюсь.

Александр делает то, что передать словами сложно, ведь эмоции трудно поддаются описанию. «Я думаю, что описывать картины довольно безнадежное занятие. Все равно как напеть звук принтера. Картина не нуждается в пересказе, она рождена для визуального восприятия», - говорит Александр, и теперь я это понимаю. На выставку у меня было несколько приглашенных. Рассказывая друзьям о работах, я кипела эмоциями, но никто так и не понял сути, пока не увидел своими глазами. Зато после глаза горели, а рассказ выходил и того путаннее. Работы понравились, а ассоциативный ряд, связанный с Россией, у моих друзей из Бразилии, Перу, Турции теперь стал больше на одно емкое понятие – стандартно-нестандартная живопись.

[недвижимость в Швейцарии](#)
[швейцария недвижимость](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/aleksandr-dashevskiy-moya-yacheyka-nomer-tri>